

Юрий ГУДУМАК

ЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ДОЖДЛИВОЙ ГОРЫ /
ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПЕРЕЙТИ В СЕРЫЙ ЗИМНИЙ
ТРЕХСОТШЕСТИДЕСЯТИГРАДУСНЫЙ
ИММЕРСИВНЫЙ МОНОХРОМ

**Наветренный склон Дождливой
являет собой подветренный**

Очевидное не мешает тому,
что, осторожничая, я начинаю думать,
будто в этой местности, – каковая, не забыть бы,
имеет склонность* (*ср.: греческое *klima*, наклон)
до поры до времени запропащаться внутрь
арктического круга, или, что то же,
в круг арктического солнца, –
будто в этой местности зацветает не оно, а другое солнце –
подобно экваториальному восходящее до зенита,
и ошибка в определении местоположения простирается
на сколько-то градусов географической широты,
являя противоположную крайность климата.

Раскаленные буравчики его отвесных прямых лучей,
пылающе-огненный цвет его палящей стихии...
и, того не менее, – сахарские летучие
радужники-пески полуоблетевшей розы ветров
как средостение внешних* (*экзогенных) процессов:
что наметила вода, то dokonчит ветер.

Многоразличный характер поверхности,
распределенной по градиентам, стянутой потенциалами,
отмеченной порогами, и не иначе, если не так, влияющей
на отсутствие, присутствие и географическую дистрибуцию
элементов живой природы и неживой,
на распределение света и, как будет показано,
на позицию наблюдателя* (*а не только наоборот).

Юрий Гудумак родился в молдавском селе Яблona в 1964 году. Окончил геолого-географический факультет Одесского университета, работал в Институте экологии и географии Академии наук Молдавии. Автор восьми поэтических книг. Лауреат премии Союза писателей Молдовы (2012). Стихи публиковались в изданиях «Новое литературное обозрение», TextOnly, «Воздух», «Цирк "Олимп" + TV», «L5», «Флаги», «Волга», «Новая Юность», «Новый Берег», «Литература», «Артикуляция», и мн. др., переводились на английский и румынский языки.

Словом, кратко сказать, –
навстречный склон Дождливой,
который являет собой подветренный:
по нему стекают одни лишь потоки воздуха.

При обширности горизонта в необъятной дали,
и к западу от меньшего, чем на закате, солнца,
последнее показывается в окружении дымчатого гало –
будто это дождь, ослабевший до равномерной измороси,
которая продолжится в течение большей части
жаркого и сухого лета:

когда высокая, в тысячу шагов, гора
по-прежнему зовется Дождливой,
но сверх ста метров вертикального поднятия,
от ее основания до вершины, на таком отдалении обретает вид
гигантского куполообразного морока холмистой страны –
самых нежных и полупрозрачных тонов
слоистой палево-желтой глины
с прослойками и желваками
пепельно-голубой.

***Adonis vernalis*: акварельный гербарий Дождливой горы**

Дождя не было уже много дней,
и на месте Дождливой – а Дождливая – да? –
не может обрести своего подлинного облика
иначе как открываясь в субстанции дождя –
я вижу ее гипногенный контур.
Ее феномены если не изоморфизма, то изотопии –
наилучший способ сказать о вариабельной сущности местности,
достаточный для того, чтобы решить,
приемлемо ли здесь
понятие местности как ряда местностей,
могущих быть отдаленными только во времени,
в качестве приближения.

Раз сложившись
как новая онтология,
связанная с моим присутствием,
зыбким движением цветковых поверхностей,
хроматическим, как после внезапного июньского ливня,
великолепием ярких опиумных видений,
Дождливая остается Дождливой и тогда,
когда сезонное преобразование
изменяет свободные
чувственно воспринимаемые материи природы –
перцептивные постоянные* (*форму, расстояние, цвет...),

так что кажется, что я имею дело
с другой Дождливой:

Дождливой;
Дождливой,
которую делает видимой дождь;
Дождливой, которая называется так,
хотя по склонам ее стекают
одни лишь потоки воздуха.

Общий аспект растительности
давно уже желто-бурым теплых и жарких
семиаридных и аридных состояний погоды,
фокусирующих солнечные лучи уже не куском хрустала,
а металлическим зеркалом,
и – насколько же более это так –
покоящихся на учении о мутных средах...

Перераспределения, сдвиги, зияния и купюры.

И то, что могло возникнуть, но так и не проявилось,
соотносит Дождливую с той же Дождливой
на предмет взаимного
искажения, перемещения, замещения,
как если бы над этой последней
пронесся смерч.

Разве что точка тела
минимизирует дисперсию данных,
касающихся переизбытка света, ознобления и бессонницы.

Колючки Дождливой и ее разреженные криволеся
стали еще кривее и сучковатее, каковыми они бывают
произрастая на солнце и на ветру, –
источая смолы,
безвкусные, мутные, водянистые
ввиду придающей им эти свойства
бессолнечной и сырой погоды,
а теперь опаловыми медовыми карамельками
свертывающиеся в камедь.

У солнцегляда
уже сейчас едкий сок меланхолии, у горькой полыни –
присущий ей цвет: седой.

Чистотел же выглядит так,
будто дождь продолжает лить
и в зеленый синит из желтого,
превращает адонис в акварельный гербарий.

Гора-метеор: Дождливая в августе

Ориентированная изначально на известные оро- и гидрографические рубежи, пространственная конфигурация Дождливой в действительности объясняется через установление границ дождя.

Это слишком сильное утверждение.

Тем не менее именно в границах дождя название горы и ее облик совпадают: водомоины и рытвины превращаются в говорливые, плещущие через край ручьи, и Дождливая растекается слизнем, ускользящим по одной из своих бесчисленных козых тропок.

Дождливую делает видимой дождь.

И если бы не климатическая инверсия мест*

(*плохой / хороший сезон – единственное подобие их перемены), гора-метеор, по склонам которой стекают одни лишь потоки воздуха, и долее оставалась бы в неизвестности:

таковы омывающие, смягчающие или поглощающие контур той же Дождливой сухие и дымообразные испарения, смурая мгла или простирающаяся до горизонта беспредельность, то голубая, то, чаще, иссера-голубая.

Это кажется очевидным

и не является таковым:

тысячу раз виденное в собственных снах в конце концов обнаруживается как довод в пользу того, что даже вдоль и поперек исхоженная территория в некоторых точках может таить, в плане пространственной геометрии, невообразимое – поражающий своей симметрической связью с Дождливой, но едва различимый на отдалении почти в полградуса географической широты, куполовершинный глипт, парящий над дальней периферией.

Ее, Дождливой,

атмосферное отражение?

Фантомный двойник? Блуждающая гора-призрак?

Что да, то да, в противном случае мы не были бы поэтами.

Одновременно ясно: одно не противоречит другому,

и перед нами объект орографии,

вполне реальный ее референт.

Сопоставив по топокартам,
картам рельефа и гугловским космическим ортофото
все возможные и все невозможные конфигурации
углов превышений, векторных направлений и расстояний,
мне удалось-таки из пары десятков имевшихся вариантов
определить, что это, в сущности, за объект.
Оказалось, гора находится на расстоянии
сорока четырех километров от места,
где я стою.

Но самое удивительное заключается в том,
что такой ее можно видеть только отсюда,
и как в эти счастливые ясные дни.

Иными словами –
в том именно виде,
в каком ее мог наблюдать приложившийся к предкам
лишенный аспекта брэнности призрак движения,
наш загадочный концептуальный персонаж.

Потому-то, в ментальном плане, да,
она больше принадлежит нам,
чем месту, на котором расположена.
А по сути – в процессе перемещения
ментального плана на топографический уровень
продолжает влиять на нас неизвестным образом.
(*Примечательный знак / Астериск: «Именно через проекцию
мы располагаем в теле, к примеру, боль».)

В соответствии с понятием геометрии,
симметрия образуется посредством сопоставления фигур
с их зеркальными отображениями.
В катоптрическом характере их взаимоотображения
Дождливая амальгамируется со своим фантомом –
Дождливой ´ (штрих), а Дождливая ´ (штрих) – с Дождливой.
Благодаря такому явлению, как земная рефракция,
связь между ними впервые становится доступной
выражению в четких терминах.

В качестве показателя преломления*
(*оптически неоднородной среды)
связь между ними состоит в сложной зависимости
от температуры, давления и влажности атмосферы,
а также от степени сложности и дифференцированности
топографии предлежащей местности:
густоты гидрографической сети,
соотношения площадей междуречий и долин,
плоских и склоновых поверхностей,

типов растительного и почвенного покрова,
в целом – линейных размеров
и ориентации ландшафтных контуров.

Расстояние между ними –
ближней полупериферией и дальней периферией,
Дождливой и другой Дождливой, Дождливой´ (штрих) –
становится равным миру.

С любого противоположного края
каждая из Дождливых выглядит
как ее итерация, как ее фантом –
верхушка двояковыпуклой чечевицы,
когда она из воздушной становится водяной.
Ведь чего-чего, а едва ли следовало ожидать обратного:

воздух, сгущенный в отдалении,
приобретает свойство зеркальности, как вода;
как и в воде, в нем растворяются тела,
состоящие из земли.

Знойное марево августа –
обожженная глина, известь... смирна, ладан, камедь –
инвертирует псевдо-Аристотелево
«в человеке больше земли, чем дыма»
в противоположное.
Не претерпевая, так сказать,
изменения местоположения, –
подобно тому как не меняя места, Дождливая
меняет горизонт, но как раз потому, что она не меняет места,
этот горизонт ее, –
чувствуешь себя предыдущим жителем,
перемещенным с нажитых мест,
либо попросту уничтоженным тутошней географией.
Производный феномен, связанный с нашим присутствием?
Не иначе, если не так.

...И когда присутствие это
по макушку погрузилось
в дающий зеркальное отражение слой воздуха
и в таком амальгамированно-анаморфированном
и десубъективированном виде было похоже скорее на собаку,
чем на скрюченного уродца,
гора-метеор, появившись
над пепельной полосой далеко на юге,
в результате рефракции явила взору
эллиптический полный диск
и, вскоре утратив приплюснутую форму,
стала быстро подниматься прямо к зениту.

Обратная сторона Дождливой: ни жива ни мертва

Как живем, куда ходим, чего видим –
об этом можно предположить
уже по той или иной
последовательности или выборке фотографий.
Но до чего же непрост ландшафт, если, всего ничего пути,
в каких-нибудь двух километрах от дома
оставляет у нас впечатление
безлюдной и отдаленной местности:
тропами, диссоциирующими на несколько разнонаправленных,
самый суровый из возможных в нежное время года
устремляется куда-то в сгиб осенней
геоморфологии, ее осенней кинематики,
осеннего головоломного геометрического хода конем –
как если бы обычный план сменялся вдруг планом сверху
и представлял собой чуть ли не ортофото
с его неодолимой красотой на фоне
старых техногенных структур.

Это юго-восточный террасированный склон Дождливой,
рельеф которого и без того выразителен и пластичен,
но, кажется, приобретает еще больший эффект,
будучи подвергнут, как сказали бы мы теперь,
модному шрамированию.

Как полагал поэт-ветеран,
а в этом он не был и не мог быть одинок,
не существует теории, которая не являлась бы
эпизодом некоей автобиографии.
Система Дождливой горы? Почему нет.
Но картина могла бы называться и по-другому:
Система Дождливой горы / Понимай, как хочешь.

Таковой представляется, ни жива ни мертва,
одна из самых пустынных яблонских местностей.
Что ни говори, а в счет идет то обстоятельство,
что это обратная сторона Дождливой.
Во-первых, подветренная и, как следствие,
получающая меньше атмосферных осадков;
во-вторых, обращенная к югу и, потому,
припекаемая полуденным солнцем.
Но вот что удивительно.
Закономерности, приложимые
к географии больших пространств регионов и континентов,
сказываются здесь на столь крохотном расстоянии...
при столь незначительных перепадах высот...

Совершенно ясно, впрочем,
что относительно данного места

открытием упиваюсь исключительно я один, коль скоро
само название Дождливая дано горе мной
и в обретенном поэтическом смысле
обратная сторона Дождливой
не может не быть пустыней.

Обратная сторона Дождливой...
где о Дождливой напоминают
разве что следы дождевых потоков,
эрозионные смывы, высохшие ключи.
И акации, сворачивающие
в сухую и жаркую погоду свои тонкоперистые листья,
являют местный, привычный уже вариант
экзотических травовидных мимоз
совершенно обратно тому,
как молочаи развивают наивный вкус
к экзотике далеких стран жаркого пояса,
где они становятся древовидными.

Жухлый морок
как один из роскошнейших идеалов,
из разряда тех, что являют лишённые фокуса дали.
Или – как длинная-предлинная осень, до того, что кажется,
будто она только теперь по-настоящему и начинается.
Но хватит ли места на карте памяти?

Хм... карте памяти, забитой под завязку,
когда, чтобы сделать еще хоть пару осенних кадров,
приходится удалять столько же из весенних.

Никогда не хватит.

Ребро, путь, узел, вершина

Ребро, путь, узел, вершина –
как первичные термины теории графов.
Соотнести их с реальным географическим объектом –
все равно что запечатлеть в памяти точно и без усилий.
Но тот или иной холм еще не сама Дождливая.

В прямоугольной разверстке розы ветров
сама-то гора предстает как серия / ряд
предлежащих местностей –
как если бы каждую из Дождливых можно было соотнести
с другой, исходя из разделяющего их расстояния,
калька за калькой, лист за листом:

Дождливая;
Дождливая,

которую делает видимой дождь;
Дождливая, которая называется так,
хотя по склонам ее стекают
одни лишь потоки воздуха.

Даже с ее подветренной стороны
видны явления дефляции и денудации –
что-то от осени и от следующего за осенью,
насколько же более это так,
великого обнажения зимы.

Но хватит обобщений.

Там, где цвета у границ
на карте должны бы меняться резко,
на голубоватых листах пространства, чувствительных
ко всякой влаге и к перемене погоды, как крыло голубянки,
коричневатый штрих террасовидных горизонталей,
с кривизной, изменяющейся от точки к точке,
приобретает оттенок пепельно-голубой /
серовато-лазурный
уклоняющихся в ту и другую сторону
линий равной осенней температуры:

не столько границ различно окрашенных поверхностей,
сколько гораздо более отвлеченного толка понятий,
составленных из границ.

Локализовать Дождливую

Зеленый по-прежнему преобладает
монохроматическим составляющим белого света.
А после вчерашнего теплого ливня еще и поднаторел
в своем нежелании принимать оттенки другого времени года.
И надо еще постараться, чтобы выбрать вид,
который был бы полон осенних далей, –
локализовать Дождливую, определить ее к месту,
представить себе движения, которые надо совершить,
чтобы ее достигнуть.

Слишком уж ясно, что это
сложное распределение температур
в охлаждающемся теле. Что это попытка тела
прийти в состояние теплового равновесия с новой средой.
Что это капельножидкая вода дождя и росы...
прошедшие через движущийся воздух и воду
интерферирующие лучи.

Не столько их геометрическое место,
место точек, в которых осенний эфир
не то постоянно уничтожается,
не то подвергается кручению совершенно особого рода,
сколько сами особенности некоторых состояний эфира,
конденсированный эфир, представляют собой, по большому счету,
материю Дождливой горы.

Это родство, это подобие, этот параллелизм
простирается вплоть до мельчайших подробностей,
когда ориентированная изначально
на известные оро- и гидрографические рубежи
пространственная конфигурация Дождливой
в действительности объясняется
через установление границ дождя;
когда в границах дождя –
как нельзя более точно –
название горы и ее облик совпадают;
когда Дождливую делает видимой дождь.

Наша идея тождества

За быстрыми турбулентными
перемещениями масс воздуха
и оптическими возмущениями, вызванными
чем-то вроде крючкообразных атомов Эпикура,
последовало образование большой черной тучи,
пролившейся несколькими каплями дождя,
и Дождливая, многократно преобразуясь –
времена года, погода, фон..., –
на мгновение стала Дождливой,
напомнив о присущей вечным объектам
реляционной сущности –
реляционной сущности, которая определяет,
как возможно вхождение объекта в действительное явление:
когда в границах дождя название горы
и ее облик совпадают.

Приращение циклонической субстанции –
вот факт, доминирующий
над всей морфометрией Дождливой,
этой сложной географической поверхности,
представляющей собой геоморфологический цоколь,
на котором становятся возможными различные конфигурации:
словно Дождливую опоясывают, словно ее опутывают
не просто горизонтали, а герменевтические круги,
а таинственные лабиринтообразные конфигурации
изотерм, изоневф, изогон, изоанемон,

коррелирующих с ними изогийет,
благодаря которым Дождливая обретает
интегративные гештальтоподобные свойства.

Изучаемую территорию – не к чему говорить –
имеет смысл деформировать при картировании
с учетом происходящей на ней
деятельности циклонов.

Тому есть множество очевидных причин.

Так,
если ясная безоблачная погода обеспечивает
в хорошо освещенных утрах трансмиссию контура,
то вихреобразная форма атлантической бури,
обрушивая о наветренный склон Дождливой
бессчетный циклонический призрак свой,
влечет за собой бесконечное смещение его эффектов,
подвергает его кумулятивным модификациям,
превращает линию контура
в кривую нормального распределения ошибки
или, что то же, придает ему обманчивую мягкость
и прелесть очертаний.

Таковы омывающие, смягчающие
или поглощающие контур той же Дождливой
сухие и дымообразные испарения, смурая мгла
или простирающаяся до горизонта беспредельность,
то голубая, то, чаще, иссера-голубая и усеянная
глиптами голубых фантомов.

Такова пелена дождя.

Слишком слабая, то есть малая
с точки зрения плотности точечной структуры –
особых точек, воспринимаемых здесь и сейчас
в состоянии, близком ко сну,
шепоту, забвению, опьянению,
пелена дождя – мелкий холодный ситник,
в мгновение ока заштрихованный в косохлест, –
на десятую долю секунды не обнаруживает
ни перерыва, ни изменения:

ничего, чего не было бы в пейзаже,
в котором Дождливая, не образуемая ничем иным,
кроме ее отношений, став Дождливой,
служит источником нашей идеи тождества.

**Даже когда Дождливая не гора,
а метеорологический феномен**

Даже когда Дождливая не гора,
а метеорологический феномен, Дождливая – тело,
модифицирующее наше тело: когда наше тело не образует
самостоятельного тела и пребывать в субстанции дождя –
его привилегия быть инкорпорированным в эту реальность.
Следствие: степень реальности, которой оно обладает,
зависит от того, которые сутки идет дождь.

Зримый облик иммунной системы
уже постфактум следовало бы понимать как больше, чем тело,
имеющий отношение к душе, потому что многое, если не все,
зависит от упомянутых топографических условий,
в своей пятикратной метаморфозе
предстоящих в виде облака, ветра, дождя, радуги и росы.
Потому что многое, если не все, причиненное болезнью, –
ничто, по сравнению с создаваемым ею иммунитетом:

мумифицированное солнцем,
окрашенное охрой и красным железняком,
окуренное черным шнурком медуничных листьев
впечатление осени с его непространственной локализацией,
или, лучше сказать, пространство которого
утрачивает свои горизонты.

Мгновение, сыплющееся, как песок,
семенами осенних трав, – голыми, не имеющими
летательного аппарата, как плодики кленовой летучки, –
ни папруса, ни крыла, что к твоим покрытым
пятьюдесятью шестью ранами пятидесяти шести,
добавляет цветок репейника –

впоследствии гербаризированный цветок репейника,
однажды уже напомнивший об этих краях
как цветок репейника, колючки которого
загнуты наподобие крючков.

А так –
подобно тому как вирус уносит фрагменты РНК
своего хозяина и помещает их в новые клетки,
увлекаемый ветром лист успел превратиться в чешуекрылое –
перелетную бабочку; равно как затишье осенних бурь –
в шелковистый пух семяющей льнянки,
крылатые, с хохолком, семена кипрея,
пылевидные семена орхидных.

Логическая география Дождливой горы

Только в границах дождя
название Дождливой и ее облик совпадают,
становятся изоморфными, как теория и карта,
формируют и развивают географическую действительность,
которую я хочу понять.

В противоположном случае
одно кажущимся образом противоречит другому:
меняется цвет горы, ее контур, ориентация, объем, глубина,
в конце концов – горизонт.

Нет причин,
почему это могло бы быть иначе,
но, обусловленные сменой времен года, состояний погоды
и атмосферного хроматизма,
факторы актуализации
пространственного облика Дождливой горы
и в самом деле похожи на переменную расстояния,
с которого я Дождливую наблюдаю.
С той знаменательной разницей,
что перемещается здесь не столько тело,
сколько оси и точки, с которым его соотносят.

Топология имманентных модусов местопребывания
в непосредственной близости от Дождливой горы.
В виду Дождливой горы мы все время находимся:

около летнего солнцеворота –
высвобождающего материю нового неба
из огненных солнц, эфирных потоков
и тонких цветочных эссенций;

перед восходом Пса – с примесью в воздухе
аравийской камеди и сахарского радужника-песка;

...или в период бурь осеннего равноденствия –
когда Дождливая становится манифестацией
принципа тождества и своего собственного явления:
обнаруживает свой термин и объект
в субстанции дождя.

Историю ее, Дождливой горы, логической географии
можно рассматривать как систематическое развитие
принципа тождества* (*A = A).
Которое, в общем-то говоря,
есть не что иное, как систематическое развитие
методологического принципа экономии мышления

и, как следствие, всепобеждающего стиля экономии слов.
А значит – самого малого, что можно было бы сказать
о Дожливой.

Скорее метеорологическое соответствие,
чем точная дата. Но что это,
как не трансgressирующая
летне-осенняя / осенняя / позднеосенняя аутентика,
преодолевающая все и вся, потому что за ней весна?
Будто это всего-навсего рассеивается пасмурная погода,
и в настоящее время нельзя желать лучшей.

Уходя не дальше, чем позволяют просторы Яблони

Безумно печальный пасмурный день,
не обещавший будто бы ничего похожего,
и речь только о световом ощущении
и более ни о чем.

Серовато-лазурную /
пепельно-голубую судорогу глазной мышцы,
транскрибированную в красоту осеннего света,
можно сравнить разве что с красотой такового
в утренние или вечерние часы,
да и то с гигантскими оговорками.
В целом же, это, конечно, дело не изъяснения
или рассуждения, а ощущения встречи на поддороге.
Когда свет падает косо и выступают горы.

Не что иное, как только то,
что я нахожу, уходя не дальше,
чем позволяют просторы Яблони,
если говорить вывернутым языком.
На языке же цифр это каких-нибудь пара-тройка километров –
отдаленный намек на ту же мысль еще в окраске Махова
понимания о явлениях, аналогичных тому,
как перекачивается по кругу большого радиуса
конус, немногим отличающийся от цилиндра.
Фича, она же чича,
в очередной раз репрезентирующая
неисчерпаемость смыслов.

Наиболее подходящий здесь, разумеется, визуальный.
Как пространственный аспект теории, когда о ней
нет надобности распространяться.

Словом, кратко сказать,
восклицательный знак.

От времени до времени
я все же задаю себе вопрос,
стоит ли делиться здесь этой,
в общем-то, стратегической информацией,
представляющейся мне теперь подробнее, нагляднее и новее
и генштабовских топокарт, и гугловских фотопланов,
чем бы навскидку мета ее ни была:

картографией барокко,
которую я искал по всему свету,
а нашел под родной горой;

элементом земной поверхности,
геоморфологическим объектом останцом-свидетелем,
в названии которого сокрыта бездна человеческого смысла;

или уже приведенной в известность и ставшей
достоянием гласности* (*см.: *post(non)fiction*)
Подзимней долиной: *Intro*.

Есть высокие тропы,
а есть извилистые долины.
Эта, в которую я только что вступил, –
вполне достаточный коррелят какого-никакого,
а поэтического присутствия или / и присутствия поэтического.
Окину-ка взором местность, пораскину умом,
хорошенько запомню всё.

Интровертная долина

Родная долина.
При всей «открытости» вида
это, как с очевидностью явствует,
довольно закрытая долина. И чем дальше в верховья,
тем она глуше, загадочнее и уединеннее.
В одном из поэтических текстов*
(*неопубликованная работа)
я и назвал ее в соответствующем роде:
Интровертная долина.

Фикция, полезная для теоретических целей,
чудесные возможности которой – сновидение,
смутное воспоминание,
инстинктивное чувство родной местности –
объясняются единственной в своем роде уже готовой
причиной: очерчивающей ее как ландшафтный вид
чертой горизонта:

с хребтом Могила,
наивысшую точку которого
составляет Артезианская Копь;
Двугорбой горой, или горой Двуглав;
и положим, но правильным конусом Жии,
уступающим двум предыдущим по высоте
только лишь потому, что находится дальше.
Если внутреннее есть только формообразование
или складка внешнего, то это она и есть.

Я не был здесь, кажется, целую вечность,
но то, что она действительно существует,
неоднократно видел в своих снах:
из Интровертной – вымерещивающейся
в еще более Интровертную, фундирующей*
(*от нашего *fund* – глубина) в ветвящихся сериях
куда-то в сторону диких, поросших густняковым лесом
отрогов Жии* (*Виноградной горы), вглубь
блуждающих на ментальных картах
Старой Шпалеры / Галанчина.

Старая Шпалера / Галанчино́
не вменяют себе в обязанность
подчиняться мелочным картографическим предписаниям,
но и не могут сами по себе стать ментальной картой
без того, чтобы не стать для меня
принадлежностью памяти,
мнемоническими местами.

Более того, мнемонические места
получают здесь благодаря вмешательству памяти
совершенно новое расширение:
от особых форм остаточности –
к непрерывно возрастающему градиенту абстракции.
Трудно понять это иначе, как указание на какой-никакой,
а индекс обзорности, высчитанный по размерам
не столько видов, сколько *txt*-расширений,
открывающихся из узлов километровой сетки.

Что касается Старой Шпалеры / Галанчина,
то они не более чем данности, установленные
обиходными высказываниями позапрошлого столетия
как их коррелят,
но не тождественные объектам,
в отношении которых модернистский статус научности
предполагает держаться следующего правила:
представлять себе только такие объекты,
которые могут быть определены
конечным числом слов.

*Примечательный знак / Астериск.

Когда говорят об объекте А,
удовлетворяющем определенным условиям,
модернистский статус научности усматривает под этим
«объект, который удовлетворяет этим условиям,
каковы бы при этом ни были слова,
использованные для его окончательного определения,
лишь бы их было конечное число».

Является ли таким объектом
стихотворение, если число его слов конечно;
всепоглощающая осень: снаружи и изнутри;
введение в бихевиористскую* (*поведенческую) географию:
пройти не по тропе вниз, а по дикому козогору,
заросшему непролазным чапыжником,
и увидеть то, чего не видят другие?

Идеальный вариант хронологии

Текстуры ландшафта,
которые можно разглядывать бесконечно.
Тем более что знакома здесь каждая тропка,
каждое деревце, каждый бугорок...
и метод скоррелирован с мотивами.

Как если бы видишь себя сразу в разных местах,
каждое из которых позволяет существовать
лишь порождаемому зрительной энергией
векторному моменту.

А в принятом здесь смысле –
моменту как идеальному варианту хронологии,
из которого полностью исключено время:

вон с того бережка, подростком, ужу плотвичку;
через двадцать лет иду по окольной в лес
и скандирую шепотом стих; а вон там,
на значках обнажившейся глины, в какую из весен – не помню,
снимаю фен[омен]ологический кадр «Я – другой»
с ящерицей, выпрыгивающей из татуировки.

За эту гипотезу, в целом, ручается многое:
пространственные дисперсии,
соответствующие фундаментальным модусам
существования человеческих тел в качестве индивидов,
отличающихся друг от друга возрастом,
сопутствующими обстоятельствами
и личными соображениями,
равноценными надлежащему тексту теории.

Потому что каждый из них не перестает действовать в момент,
когда превращается в другого.

Получив ряд различных точек,
я провожу между ними кривую,
стараясь возможно меньше уклоняться от них
и в тоже время сохранить для моей кривой
правильную форму:
отображаю не карту, искаженную умом,
а ум как сумму мнемонических мест, производящую карту, –

принадлежащую только родным местам
конфигурацию соположенных существей.

Перепад высот в несколько метров –
и покатость холма оборачивается рыжей лисицей.
То ли лисица меняет окраску под цвет осени,
то ли осень меняет цвет под окраску лисицы.
Хз* (*что означает хиазм).

Прежде чем перейти в серый зимний трехсотшестидесятиградусный иммерсивный монохром

В фотографическом блюре
перламутровых испарений еще не остывшего озера
представители рода *Salix** (*Ива) сохраняют листву
достаточно долгое время.
Но речь, как всегда, не об этом,
да и не речь вообще, а сам вижу что.

Зеленый лиственный мир трансгрессирует в это,
прежде чем перейти в серый зимний
трехсотшестидесятиградусный иммерсивный монохром:

словно по мере удаления от илистого водоема Камболи,
напоминающего по форме полуувядший трилистник,
от которого остается видна –
всего ничего – полоска озерной сини,
в кадр начинает втягиваться громада Дождливой горы –
южный пологий склон Дождливой, простирающийся
черт-те куда влево и вверх
и достигающий почти циклопического*
(*вариант: циклонического) масштаба: со сплошной,
почти непроницаемой, серо-свинцовой массой тумана
либо переменной облачностью и короткими прояснениями –
но какими!

Мыслимо ли,
уходя не дальше, чем позволяют просторы Яблоны,
обнаружить такую меру абстракции?

Такой, должно быть,
завершается долгое осеннее странствие,
квест «Найти *Геральдического зверя: зима ему не страшна*».
Дождливая, в виду которой мы все время находимся,
была бы всегда на виду,
обрастая ветвящимися сериями
новых и новых пейзажей-комментариев,
неопределенностью контура, каковая в иные дни
обнаруживала бы секреты колористической теории,
а теперь сообщала пространству чрезвычайно искаженные,
анаморфически увеличенные размеры,
нарушая представление о расстоянии,
заставляя сжиматься сердце.

Самый дальний спин-офф
по-прежнему выглядит
как высокий модерн – развалины заброшенной фермы,
упоминаемые в пространнейшем тексте какой-нибудь там
четвертьвековой давности, с его фундаментальным
отличием субъекта раннего творчества
от субъекта позднего творчества: когда Дождливая,
способная принимать бесконечно разнообразные формы,
только что не берется за старое – словно это
какое-то инородное небесное тело,
приближающаяся планета Меланхолия.

Линия электропередачи
все еще держится на покосившихся столбах,
у колодца все еще висит ведро, а на берегу озера
сушатся фатки – рыболовные снасти типа «паук».

Таинственная *Tabula Geographica Moldaviae*

Диффузия цветочных нововведений,
известная зыбкость форм, неевклидовы меры расстояния,
предъявляемые разными видами деятельности –
масками сезонных работ и песен, – во всем этом,
по милости осеннего времени года,
больше намек, чем определенности.
Отметки, линии, краски, знаки и символы,
посредством которых можно все это изобразить,
остаются постоянными лишь на поверхности карты.

Не то чтобы карта
становится предпосылкой всякого восприятия,

но – читаемой. Территориальные референции преобразуются*
(*анаморфируются) как постоянно меняющийся,
всегда становящийся контекст.

Так что местности, каковы они есть,
оказываются именно тем, что они есть.

Их евклидова генетическая связь
является только некоей моделью, первичной /
вторичной по отношению к пространству,
изобилующему смещениями и пустотами,
где дают о себе знать
необъятные видения,
немыслимые сцены и пейзажи.

Как если бы это были видения и пейзажи,
первоначально не охваченные теорией, –
в которых мы никогда и не были, –
они не оставляют нам ничего другого,
кроме как выбраться из картографического кабинета
и приступить к маппингу действительности в осенних тонах.

Понимание

как ощущение завершенности,
когда хочется поставить точку.

Но где точка не знак пунктуации,
а еще одна трансформация действительности
в масштабе, форме и символике –
наипростейшее понятие геометрии,
нуль-мерный индивид, как нельзя более точно выражающий
всю атлетику позднеосенней изможденности.

И всю ее аутетику – ради нее
я специально осветил прядь волос.

Понятие геометрической вероятности
относится к вероятности обнаружения нас в пространстве.
Проистекает оно из анализа ближайшего соседства,
сочетающего геометрию и теорию вероятностей
наиболее пригодным, счастливейшим
для картографа образом.

Я бы даже сказал, –
счастливейшим для картографа-живописца,
сочетающего геометрию, теорию вероятностей
и восторг, который словами не передать,
но лишь воскликнув: о, таинственная
Tabula Geographica Moldaviae!